

Джамангозов Б. Т.

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В КАЗАХСТАНЕ И КЫРГЫЗСТАНЕ (политико-культурологический взгляд)

С начала 90-х годов XX столетия, как и другие страны СНГ, республики Казахстан и Кыргызстан вступили в новую историческую полосу созидания демократического государства и рыночной экономики. Эти страны находятся на пути строительства своего **национального государства**.

Суверенные Независимые Государства (СНГ) только начинают свой путь строительства «государств-наций». Хотя очевидно, что здесь нет столбовой дороги, прямо ведущей к указанной цели. Вполне возможно, что исторические обстоятельства могут повернуть ту или иную страну на уже пройденный многими путь «государства-класса». Страны Европы фактически завершили развитие по пути «государств-наций» и стоят на пороге созидания «государства для всех». «Государство для всех» - это по сути то, что сейчас обозначают как «государство благоденствия» (Welfare State).

По-видимому, «Welfare State» в институциональном своем измерении представляет тот образ, который сейчас связывается с идеей «постсовременного государства». Это государство характеризуется способностью целиком распоряжаться собой, будучи не только полностью независимым от международного окружения, но и обладая возможностями создавать своим гражданам достаточные для существования жизненные средства. Суверенитет, обеспечивающий защиту от внешнего вторжения, - здесь утрачивает свое прежнее значение. Постсовременные государства допускают вмешательство извне в свои внутренние дела, поскольку они получают нечто взамен, а именно: влияние на супернациональном уровне правления.

Как известно, строительство национального государства, в европейском восприятии «н а ц и и – г о с у д а р с т в а» или «г о с у д а р с т в а – н а ц и и», является необходимым этапом в развитии любой страны. Исторический опыт показывает, что страна, не прошедшая этапа национально-государственного строительства, не достигает в своем совершенствовании достаточной зрелости и стабильности. Национальное государство – это своеобразный тип политической организации общества, сложившейся в определенных конкретно-исторических условиях развития Западной Европы в Новое время (XVI-XVIII вв.). В течение XIX-XX столетий эта форма

государственности распространилась по всем континентам и регионам.

Исторически национальное государство решало задачу консолидации общества. Ранее разрозненный народ сплачивался в единую **гражданскую нацию**. Данный процесс осуществлялся по трем направлениям. Во-первых, разнообразие этнические, социальные и профессиональные группы объединялись в сплоченную гражданскую общность. Во-вторых, на основе экономического прогресса преодолевалась классовая дифференциация общества. В-третьих, несмотря на плюралистическую разнородность борющихся между собой групп и интересов достигалось идейно-политическое единство общества по жизненно важным вопросам.

Но в этом переходном процессе, Казахстан и Кыргызстан, как и другие страны СНГ, испытывают большие сложности. Одну из глубинных причин труднейшей трансформации в целом постсоветских государств, и в частности Республики Казахстан и Кыргызской Республики, пытаются объяснить критически осмысливающие наш опыт зарубежные исследователи. Так, по их мнению, более чем десятилетний итог, начиная с 1991 г., независимого развития суверенных государств СНГ, ясно показывает, что бывшие союзные республики Средней Азии и Казахстана в значительной мере оказались неготовыми к национально-государственному строительству и воздвигали атрибуты суверенного государства больше по необходимости, чем по убеждению. В этих республиках в условиях тоталитарно-авторитарной системы не были поставлены и решены многие задачи, входящие в экзамен на "аттестат зрелости" по формированию национальной государственности: во-первых, достижение минимального уровня национальной и гражданской солидарности; во-вторых, общественного консенсуса относительно национальных интересов; в-третьих, зарождение новой политической системы, ядра профессиональных политиков; в-четвертых, признание общих социально-политических норм и др.

Критики утверждают, что обостренные национальные чувства доминировали лишь при отделении от СССР государств Прибалтики, Закавказья и Правобережной Молдовы. Что же касается Средней Азии и Казахстана, то здесь вообще отсутствовало массовое движение за

независимость. Независимость для большинства нынешних центрально-азиатских государств не стала итогом серьезного и упорного труда, борьбы, движения. У истоков движения за суверенитет не стояло то явление, которое называют национальным возрождением, предполагающим всесторонний культурный подъем, рост национального самосознания, становление гражданской нации как полноправного субъекта политического процесса. Процесс же созидания ими своей национальной государственности стал вынужденной реакцией на развал СССР. Свобода и суверенитет как бы упали с неба. Именно поэтому строительство демократических институтов здесь началось методом "проб и ошибок", по "наитию", а не путем реализации четко осмысленной и ранее выношенной политической и экономической стратегии. В результате, зачастую в практике применялся механизм "буквального перенесения" западных стандартов на совершенно иную почву.

И этот момент, пишут они, является сильнейшим тормозом в ходе утверждения в ныне суверенных государствах Центральной Азии политической демократии и рыночной экономики. Такой разворот событий привел к тому, подчеркивают они, что здесь формирующийся политический строй одевается лишь внешне в демократическую форму, внутренне сохраняя прежнюю авторитарно-клановую сущность. Израильский политолог Ханин замечает: "Нет ни одного государства, образовавшегося на развалинах СССР, которое не заявило бы о своем стремлении создать современное открытое общество и соответствующее ему демократическое светское государство западного типа. Тем не менее практически в каждом из них установились различные варианты "авторитарной" политической модели, основанной на режиме личной власти политических лидеров (президентов). Это относится, по его мнению, в первую очередь, к республикам посткоммунистической Центральной Азии, президенты которых, персонифицируя идеологию независимости, "присвоили функции, которые были типичны для генеральных секретарей коммунистической партии в течение советской эры"⁸⁶. Разумеется, из самого по себе факта, что в бывших республиках Средней Азии и Казахстана в период трагического распада СССР не наблюдался процесс ярко выраженной борьбы за

независимость, вовсе не следует вывод об отсутствии в исторической памяти народов Центральной Азии определенного уровня национального самосознания.

В политико-культурологическом плане весьма продуктивным является тщательная логическая и концептуальная проработка на основе изучения всего корпуса конкретных фактов об историческом развитии Казахстана и Кыргызстана, идеи о взаимосвязи понятий "государственности" и "государства". Следуя этой исторической логике, как нам думается, можно прийти к следующим основополагающим выводам. Во-первых, понятие "государственности" отражает весь неоднозначно сложный процесс формирования, становления и развития политических институтов власти. Во-вторых, понятие "государства" отражает определенное качественное состояние в развитии политических институтов власти. Иначе говоря, в государственности мы видим процесс, а в государстве - результат. Государственность фиксирует процесс движения политического организма, а государство в своем содержании отмечает черты и свойства этого процесса в виде достигнутого определенного результата. Их соотношение предстает примерно таким же, как взаимодействие между собой понятий "закономерности" и "закона". Закономерность есть многообразное проявление в историческом процессе определенной устойчивой и долговременной тенденции, т.е. закона, а закон, в свою очередь, предстает как сущностное выражение данной тенденции.

Таким образом, в настоящее время закладывается основательная почва для положительного роста национального самосознания народов Центральной Азии. Вопрос лишь в том, чтобы ввести это рождающееся самосознание в позитивное русло общегражданских чувств в отношении к создающемуся национальному государству. В связи с данным комплексом проблем, конечно же, есть смысл более основательно разобраться в специфике самого феномена национальной государственности. Как политический институт национальная государственность имеет достаточно долгую историю. В современной философо-политологической литературе получило распространение понятие "национального государства" или "нацигосударства".

«Нация-государство» или национальное государство возникло в эпохи Возрождения и Реформации в Западной Европе в ходе слома феодальных держав и империй. Пожалуй, первым, кто дал развернутую концепцию такого государства был Н.Макиавелли, который ввел соответствующее понятие «*stato*». В крупном общеисторическом масштабе процесс формиро-

⁸⁶ См.: Ханин В.Э. Этнополитический плюрализм и политические конфликты в республике Кыргызстан // Центральная Азия и Кавказ. Общественно-политический журнал, 2000, 3(9), с.55)

вания единой нации и становления централизованного государства в ряде стран Западной Европы совпал как по времени, так и по содержанию. Поэтому в современной научной литературе получило распространение два равнозначных и равновеликих термина: «нация-государство» и «государство-нация». В европейском сознании понятия «нация» и «государство» имеют примерно одинаковое значение и смысловое содержание. Например, смысловой контекст Организации Объединенных Наций не означает ничего иного, кроме как организации объединившихся государств. В некоторых исследовательских работах авторы пытаются определить иерархическую соподчиненность и значимость нации по отношению к государству и наоборот⁸⁷. Но на самом деле, в конкретно-исторических условиях чаще всего можно наблюдать процесс взаимообусловленности образования нации единым государством и становления государства единой нацией. Во всяком случае, как свидетельствуют исторические факты, в Западной Европе генезис «нации-государства» был взаимообуславливаемым и взаимоопределяемым процессом. Хотя, по мнению французского исследователя Р.Мартелли, исторически тенденция к централизации во Франции обнаружилась ранее становления нации, в силу чего «государство создало нацию, которая и существует... в форме национального государства»⁸⁸. И действительно, как отмечал еще Ф.Энгельс, во Франции формирование нации происходило на базе нескольких средневековых феодальных народностей. Провансальская (южнофранцузская) народность «в средние века была не более родственна северофранцузской».⁸⁹ С таким же успехом можно добавить, что между северо-восточными пикардийцами и юго-западными гасконцами также было очень мало общего. Централизованное государство создало основу для сплочения и формирования из различных этносов единой французской нации. Начало формирования единой нации в Англии точно совпало по времени с возникновением централизованного государства в XV в. На базе развития внутреннего рынка, территориального единства, языковой и культурной общности, стала складываться экономическая и политическая целостность английской нации. Но дело в

том, что единая нация уже во второй половине XVI в. превращается в новое качественное образование, воздействующее на процесс дальнейшего упрочения централизованного государства. В такой же степени, как государство консолидирует нацию, обратным своим влиянием нация консолидирует государство.

В Новое время в концептуальных построениях европейских теоретиков «нация-государство» начинает мыслиться уже не в образе самодержавия, т.е. территории, которую держит в своих руках государь. Государство предстает не в облике просто какой-то территории и населения, а конкретной социально-экономической, политико-правовой и культурно-исторической целостности. Иначе говоря, целостности «народной жизни», национального организма, части которого находятся в динамичном взаимодействии и взаимоподчинении. Государство обретает как бы «живую душу». Именно этот образ в начале Нового времени конституируется в ряде стран Западной Европы в исторически возникающем институте «нации-государства» или «государства-нации». Нация складывается в пределах государства, а государство формируется в рамках нации. Определяющим образ национальной «модели» государственности становится принцип единства и целостности «национальной жизни».

По-иному выражаясь, государство распространяется в пределах того пространства, в котором протекает жизнедеятельность нации. Пространственные границы национальной жизни являются критериями территориальных границ государства. Государство конституирует себя в масштабах национального бытия. Нация обретает в государстве свою политическую форму существования. В новоевропейской политической культуре происходит медленное, но неизбежное, смещение понятия «суверенитета» с образа государя на образ государства. Говоря точнее, власть государя есть отражение суверенного существования самого государства. Она дарована не богом, а народом. Само же государство есть не божественное волеизъявление, выражаемое в образе государя, а напротив, народное волеизъявление, согласно которому по общественному договору власть вручается государю. Субъектом суверенной власти признается не государь, а само государство.

Новоевропейская политическая революция в эпохи Возрождения и Реформации была призвана ликвидировать все сословия, корпорации, цехи, гильдии, привилегии, свойственные природе средневекового иерархического замкнутого миропорядка. Идея «нации-государства» отвергает все внутренние границы и перегородки, предполагает намного большую внутреннюю

⁸⁷ См. напр.: Varshney A. Contested Meaning: Indias National Identity, Hindu Nationalism and the Politics of Anxiety. // Daedalus.- Summer.- 1993.

⁸⁸ См.: Martelli R. La Nation: Ethnics, formation sociales, traditions, luttes politiques en France. P., 1979, p.25

⁸⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. - Соч.. Т.5.- С. 377-378.

сплоченность, проявляющуюся в становлении общенационального самосознания. Например, доминирующим в сознании жителя Франции оказывается идея, что сначала, в-первую очередь, «он - француз», затем лишь, во-вторую очередь, «он - провансалец, гасконец, пикардиец и т.д.». В противовес средневековому сословному обществу, общество национального типа неделимо. Снятие внутренних перегородок и стабильное состояние внешних границ - это органичная черта «нации-государства», в которой незыблемость внутренних перегородок сочетается с расплывчатостью, переменчивостью внешних рубежей.

Ведь становление национального самосознания предполагает свободу людей как граждан, а также их равенство как подданных перед государством. Здесь политическая культура «гражданственности» наполняется такими содержательными характеристиками, как деятельное гражданское участие в жизнедеятельности «нации-государства», так и подданническое чувство по отношению к отчизне. С другой стороны, политическая культура «подданничества» обретает такую важнейшую характеристику, когда свободное волеизъявление гражданина органично вплетается в поведение и сознание новоевропейского подданного государства.

Пожалуй, здесь мы видим начальную фазу совпадения интересов гражданского общества и государства. Возникает тот исторический мотив развития страны, который впоследствии получит емкое название «**н а ц и о н а л ь н о г о и н т е – р е с а**». По историческим меркам очень медленно, но все же приходит осознание того, что государство должно защищать общие интересы всей нации. Собственный интерес государства есть как раз-то должным образом выраженный национальный интерес. В свою очередь, национальный интерес воплощается в реальность лишь только тогда, когда органично сопрягаются в едином пространстве «человеческий» и государственный» факторы общественной жизни.

Роль национальных интересов в развитии общества и государства неоднократно подчеркивал в своих выступлениях президент Казахстана Н.Назарбаев. К этой же теме в начале нового 2009 г. обратился и президент Кыргызстана К.Бакиев. Он выделяет шесть приоритетов в этой сфере. И первым среди них – территориальную целостность страны. Лишь единство, сплоченность нации выступает могучим гарантом целостности страны.

Когда-то в глубине ушедших веков рождается мечта, воплотившаяся в эпосе «Манас». Весь духовный строй эпоса пронизывался одной идеей – единство народа. Не об этом ли говорит крылатое изречение:

«Курама курап журт кылдым,
Кулаалы тапта куш кылдым!»
«Сплотил разделенный род я в единый народ,
Государства соколиные крылья ему дал».

Поистине, народы Центральной Азии живут в судьбоносное, переломное время, когда история испытывает их на прочность. Сумеют ли они выдержать вызов, бросаемый окружающим глобальным миром?! Сумеют ли прорваться вперед и развиваться в ритме современной жизни?! Важнейшее условие единства нации, конечно же, складывающаяся атмосфера доверия государственной власти и гражданского общества. Реальное участие людей в государственных решениях консолидирует нацию. Национальное единство органично связывается с этнической и культурной самобытностью. Единая нация предполагает многообразие культур, языков и традиций.

В современных условиях, когда Казахстан и Кыргызстан находятся на переходной стадии своего развития от одной политической и экономической системы к другой, в демократических преобразованиях нашей страны огромную роль играют «человеческий» и «государственный» факторы общественной жизни. Ведь недаром говорится, что когда система уже сложилась и установилась, она создает правила для поведения людей. Когда же система еще не укрепилась, правила для нее создает поведение людей. Одним из таких факторов является политическая культура человека. Автор диссертационной работы избрал весьма оригинальную и чрезвычайно актуальную для нашего общества тему. Он поставил перед собой задачу раскрыть проблему институционализации политической культуры человека в советский и постсоветский периоды развития Кыргызстана.

Идея нации отвергает все внутренние границы и перегородки в государстве, содержит в себе презумпцию равенства, одинаковости шансов для всех граждан независимо от происхождения, цвета кожи и глаз, вероисповедания и т.п. И она предполагает намного большую внутреннюю сплоченность населения государства, т.е. национальную консолидацию. Важнейший признак нации – это ее неделимость. Именно рождение и созревание наций придает новый статус государственно-территориальным границам. Полное отсутствие внутренних перегородок и устойчивость внешних границ – таков принцип «нации-государства». Этим национальное государство отличается от предшествующего «сакрализованного» феодального политического образования имперского типа.

В бывшем Советском Союзе не сложилось единое национальное самосознание проживавших здесь народностей. Понятия «советский народ» и «советский человек», несмотря на реальное отражение изменяющейся действительности, несли в своем содержании огромную идеологическую нагрузку. Это становилось заметным по мере того, как шел процесс размывания фундамента коммунистической идеологии и разрушения здания социалистической системы. Советский народ не стал краеугольным камнем национального сплочения, а советский человек не встал грудью на защиту общих национальных завоеваний. Но вместе с тем, этот фактор позволил осуществить без ожесточенных гражданских столкновений процесс «цивилизованного развода» бывших союзных республик и начать национально-государственное строительство.

Созидающаяся на наших глазах национальная государственность, несомненно, имеет свой специфический облик. Многовековой европейский опыт показывает сколь плодотворным является процесс, в результате которого именно государство становится источником формирования в стране сплоченной гражданской нации. Национальное государство твердо придерживается политического курса на последовательную реализацию в практике жизни принципа равенства прав и свобод всех этнических групп в стране.

Этнонациональные группы постепенно начинают ощущать свою консолидированную гражданскую общность. Это, очень осторожно выражаясь, показывает лишь то, что как в Казахстане, так и Кыргызстане идет процесс формирования из различных этнонациональных групп первичных контуров единой гражданской нации. Разумеется, становление гражданской нации даже при всех благоприятных обстоятельствах займет по времени жизнь ряда поколений. И, конечно же, данный процесс должен направляться и регулироваться государством. В таком контексте измерения государственность, действительно, является ключевым понятием «стратегии нынешнего пути».

Резюмируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, институциональное измерение, как метод изучения политической культуры, примененный к анализу конкретно-исторической ситуации Казахстана и Кыргызстана, ныне пребывающих в состоянии «переходного» периода своей истории, доказывает свои познавательные возможности. При этом, конструктивную роль играет четкое методологическое разграничение и объединение ориентирующих и институционализирующих потенциалов полити-

ческой культуры общества. Перевод потенциального в актуальное состояние представляет в данном случае достаточно сложную аналитическую задачу.

Во-вторых, весьма важен анализ *институциональной среды*, обеспечивающей жизнедеятельность тех политических структур, которые, находясь во взаимосвязи с окружающим миром, вносят изменения в данную же институциональную среду. Эта институциональная среда рассматривается в качестве специфической почвы, в которой произрастают институциональные организмы. Среда является неким сплавом *хаоса и порядка*. Иначе говоря, она представляет соединение системных и несистемных компонентов. И поскольку в общественной деятельности постоянно проявляются в единстве тенденции необходимого и случайного характера, постольку политическая культура сочетает в своих институциональных чертах традиционные и инновационные свойства. В этой связи речь должна вестись об институциональной способности политической культуры общества сочетать рутинные и творческие начала деятельности.

В-третьих, в настоящее время постсоветские народы избавились от иллюзий, что экономику подобно часам достаточно перевести в рыночное состояние, как все заработает, а политическую систему изменить, организовав новые государственные и управленческие структуры, по внешности такие же, как западные, так все изменится. Оказалось, нельзя забывать о *механизме* неоднозначной взаимосвязи *институционального и человеческого факторов*. Именно поэтому говорят, что рынок и демократия, это не просто формальные организации, а культура, психология человеческих взаимоотношений. Эта мысль является сквозной. Процесс институционализации любых явлений, в том числе и политической культуры, результативен, если носит не формальный, а содержательный характер. Иначе говоря, институциональный анализ политической культуры постсоветского общества и человека оказывается продуктивным лишь в контексте синтеза организационного и человеческого факторов.

В-четвертых, нынешняя ситуация в постсоветских странах, в том числе Казахстане и Кыргызстане, несмотря на значительное различие в уровне социально-экономического развития и функционирующих политических режимов, отличается удивительной институциональной схожестью. В статье делается попытка осуществить анализ этой ситуации, характеризующейся нарастающей *институциональной коллизией между формальными и неформальными правилами, нормами и ценностями*. «Двойные

стандарты» в общественно-политической жизни и экономических отношениях выражаются углубляющимся разрывом между принятыми официальными решениями, включая законы, и реальной жизнью. Провозглашенные демократические принципы управления на практике встречают серьезные препятствия со стороны административно-бюрократического управления. Коренное преобразование институциональных основ политической культуры является необходимым условием взаимосочетания личностного и государственного начал.

В-пятых, рассматриваемая концепция национального государства апробирована на историческом опыте, прежде всего, европейских стран. Казахстан и Кыргызстан находятся лишь в начале пути по созиданию этого типа государственного устройства. Здесь стержневой идеей является тезис, согласно которому широкая действенная программа строительства национального государства, преобразуя жизненные реалии, позволит динамично изменяться и политической культуре постсоветского общества и человека. Речь идет о политической культуре «гражданственности», соционормативной культуре «интереса», морально-психологической культуре «законности». Почему это возможно? В статье этот переход лишь намечается, рассматривается через призму не формального, а содержательного обновления институциональных оснований политической культуры.

В-шестых, отмечаемая исследователями внутренняя социально-экономическая, идейно-политическая и нравственно-психологическая

«расколотовость» общества, как это ни печально, порожденная процессом перехода от *института государственной собственности к институту частной собственности*, является сильнейшим «шоковым ожогом» для общества и человека. Лишь определившись с перспективой, в которой согласуются интересы миллионов наших сограждан, мы сможем, не шарахаясь из стороны в сторону, не падая «в закоулках», обрести свой оптимистический путь созидания политической демократии и рыночной экономики. Задача состоит в том, чтобы, наряду с другими реалиями, преобразовать политическую культуру. В свою очередь, это требует дальнейших, серьезных разработок в области *институциональных основ политической культуры общества и человека*. Логика дальнейших исследовательских шагов по этой проблеме должна определяться необходимостью органичного соединения в аналитическом поиске двух институциональных факторов: личностного и государственного начал общественной жизни. Создание в практике соответствующего *механизма* взаимосочетания государственного и личностного начал и есть выход в созидательное пространство жизни. Демократическое преобразование политической культуры общества и человека является в данном случае стержневым условием институциональной модернизации как личностной, так и государственной «составляющей» общественной жизни современных государств Казахстана и Кыргызстана.